

Ованес Туманян

У кейфующего кейфа не убудет

Когда-то в городе Багдаде сидел халиф Гарун-Аль-Рашид. Этот Гарун-Аль-Рашид имел обычай переодетым гулять по городу, чтобы выведывать таким образом, что происходит в столице. Как-то ночью, когда, переодевшись дервишем, он шел глухой улицей, до него внезапно донеслись музыка и звуки песни. Остановился халиф и, после долгого раздумья, решил из любопытства войти в домик. Войдя, он увидел голые стены; на коврике перед огнем за скудным ужином — хозяин и музыканты; все они поют, играют и веселятся.

— Мир вам, о, веселые люди! — с низким поклоном приветствует дервиш.

— Добро пожаловать, дервиш-баба, милости просим откусать с нами хлеба и соли, повеселимся вместе, — пригласил его хозяин.

И, усадив дервиша рядом, продолжает кейфовать.

Настала ночь, и хозяин расплатился с музыкантами. По их уходе дервиш спросил хозяина:

— Как тебя зовут, приятель?

— Гасан.

— Не в обиду будь сказано, братец Гасан, чем ты занимаешься, сколько зарабатываешь, что так беззаботно кейфуя коротаешь время?

— Чтобы кейфовать, не надо много денег, дервиш-баба, — ответил хозяин. — И на самый маленький доход можно жить без печали. Я — лапотник, шью и чиню лапти; доход у меня не больно велик. Одну половину я трачу вечером на еду, на другую нанимаю вот этих самых музыкантов. И в радости пробегают мои дни. А когда мне бог пошлет такого доброго гостя, как ты, мне делается еще радостней.

— Да продлится надолго радость твоя, братец Гасан, но если вдруг эта ненадежная радость тебе изменит, что ты будешь делать тогда?

— Зачем она мне изменит, дервиш-баба?

— Да вот, сказать к примеру, вдруг халифу придет на ум приказать: чтобы не было лапотников в Багдаде!

— Вот еще! Разве нет у халифа другого дела? Да чем провинились лапотники перед халифом? А коли что-нибудь такое случится, тогда и подумаем. Теперь же, дервиш-баба, пора на боковую, бог не без милости: у кейфующего кейфа не убудет. Уж таковы все мирские дела — как ты примешься за них, так они и пойдут.

— Ладно, дай бог, чтобы так было, — молвил дервиш, и оба легли.

Рано утром дервиш удалился. Вскорости придворные вестники обежали улицы и площади, возглашая:

— Халиф приказал всем лапотникам закрыть свои лавки, а кто посмеет заниматься лапотным ремеслом, с того голову долой!

У бедного Гасана вырывают шило; осыпая его ударами, выгоняют из убогой лавчонки и запирают дверь.

Ночью Гарун-Аль-Рашид, переодевшись дервишем, опять пускается бродить по Багдаду. Из лачуги весельчака Гасана ему слышатся музыка и пение. Он входит.

— Добро пожаловать, дервиш-баба! Садись, тебе место готово!

Дервиш уселся; все начинают петь и веселиться до поздней ночи.

В полночь музыканты, получив плату, уходят. Хозяин и гость остаются вдвоем.

— Слыхал, что случилось, дервиш-баба?

— А что такое?

— Все, что ты напророчил вчера, сегодня сбылось: вышел приказ халифа о запрещении лапотникам работать...

— Не может быть! — удивился гость. — Откуда же ты взял денег для нынешнего кейфа?

— Я отыскал глиняный кувшин и вот теперь продаю воду. Что заработаю за день — половина идет на прожиток, а остальное на музыкантов; так я и продолжаю кейфовать.

— Но ежели халиф и воду продавать не позволит, тогда что делать будешь?

— Ведь я продажей воды халифу убытка не причиняю, за что же не позволять? Да и стоит ли думать об этом? Вот когда запретит, тогда и подумаю. Не бойся, братец, кусок хлеба я всегда добуду, да и уголок для кейфа всегда найдется.

— Пусть вечно осеняет радость твой очаг, Гасан! — промолвил дервиш, удаляясь.

Чуть свет весь Багдад содрогнулся от крика придворных вестников:

— Халиф Гарун-Аль-Рашид повелевает: «Вода есть дар божий и с нынешнего дня никто да не осмелится продавать ее за деньги. Повелеваю разорвать у торговцев бурдюки и перебить кувшины!»

Разбили кувшин и у бедного Гасана; с пустыми руками плетется он домой.

На третью ночь халиф, одетый дервишем, опять, обходит город. Опять приближается к жилищу веселого Гасана и слышит музыку, звуки песен. Он входит.

— О-о, дервиш-баба, честь тебе и место, садись поближе, день продолжим, вечер скоротаем! Будем веселиться, дервиш-баба: лучше веселье, чем грусть.

— Что и говорить, веселье куда лучше. Смерти все равно никому не миновать, кто может — пусть веселится! — восклицает дервиш, подсаживаясь к хозяину.

В полночь музыканты получают плату и уходят. Остаются дервиш и хозяин.

— Братец Гасан, что это я слышал сегодня! Будто халиф запретил торговать водой — да правда ли это?

— Как же, сущая правда, у всех продавцов переколотили кувшины. Ты, братец, настоящий пророк: что ни скажешь — все сразу сбывается.

— А на какие же деньги ты так кейфуешь?

— О, если б у человека кроме денег не было никакой нужды! Добыть денег нетрудно, братец дервиш. Поступил я работником к хозяину. Из того, что зарабатываю за день — половину проедаю, а прочее музыкантам отдаю. Главное в человеке сердце, дервиш-баба.

— Жизнью клянусь — ты с таким сердцем достоин быть при дворе! — воскликнул дервиш.

— Ой, дервиш-баба, все слова твои сбываются, неужели и эти сбудутся?

— А почему бы и нет? На свете все возможно, — ответил дервиш, и они расстались.

С восходом Солнца придворные вестники уже теснились у порога Гасана.

— Здесь ли Гасан, что любит кейф?

— Вот я.

— По приказу халифа следуй за нами!

Гасана привели во дворец и объявили, что халиф, велит ему служить во дворце. Гасана роскошно одели, прицепили к поясу саблю и поставили у входа во дворец. Целый день Гасан простоял без дела, а как стемнело, с пустыми руками отправили его домой; иди, мол, придешь завтра, станешь на то же место.

Ночью Гарун-Аль-Рашид опять бродит по Багдаду.

Вот он у лачуги Гасана. О, чудо! Опять музыка, песни. Халиф вошел.

— Дервиш, дервиш, сюда, важная новость. Твои вчерашние слова сбылись, халиф взял меня во дворец и дал мне должность.

— Что ты говоришь!

— Аллах свидетель.

— Видно и денег немало дал.

— Ни гроша!

— Откуда же взялись у тебя деньги на кутеж?

— Садись, расскажу. Привесили мне сбоку саблю. Вечером иду домой, а сам думаю: ведь не людей же мне саблей убивать. Так вот, продал я клинок вместо него вставил деревянный. На деньги, что я получил за клинок, вот и кейфую. Неужели я дурно поступил, дервиш-баба? Лучше иметь при себе радость, чем саблю, что разит людей.

— Ха-ха-ха! — захохотал дервиш. — Положим, поступил ты не плохо. Ну, а ежели завтра царь да велит тебе этой саблей кому-нибудь голову отсечь?

— Удержи свой язык, зловещий дервиш! — рассердился Гасан. — Как на грех все твои слова сбываются. Не можешь разве что-нибудь хорошее сказать?

Взгрустнулось Гасану. Сердце у него щемило страхом, всю ночь он проворочался без сна.

Так оно и вышло. На другой день халиф вызвал Гасана и на глазах всех придворных торжественно приказал:

— Обнажи саблю и отсеки этому преступнику голову!

— Живи вовек, великий халиф, — пролепетал объятый ужасом Гасан, — во всю жизнь я ни на кого руки не поднимал — не могу. Поручи это дело кому-нибудь другому...

— Я поручаю это тебе, — рявкнул разгневанный халиф, — если хоть минуту промедлишь — голова твоя слетит с плеч! Вынимай саблю!..

При этих словах Гасан подошел к осужденному, поднял руки к небу и провозгласил:

— Аллах, ты ведаешь, кто прав, кто виноват. Ежели этот человек согрешил, дай мне сил одним ударом отсечь ему голову, а нет — пусть сабельный клинок из стального станет деревянным...

И он выхватил саблю... Дерево! Придворные диву дались при этом чуде.

Тут халиф Гарун-Аль-Рашид с громким смехом открыл тайну своим сановникам. Те пришли в восторг и осыпали похвалами как халифа, так и кейфующего Гасана. Засмеялся даже несчастный преступник, на коленях ожидавший, вытянув шею, рокового удара.

Гарун-Аль-Рашид даровал ему жизнь, потом подозвал Гасана, объявил его своим вернейшим подданным и даровал высокий сан, чтобы он, не нуждаясь ни в чем; жил по-прежнему весело и других учил весело жить на свете.